

**ПРИЧИНЫ ДОМАШНЕГО (БЫТОВОГО) НАСИЛИЯ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

Махмудов Хасан Шерзод угли

Студент магистратуры ТГЮУ

***Аннотация.** Настоящая статья представляет собой комплексный криминологический анализ причин домашнего (бытового) насилия применительно к условиям Республики Узбекистан. На основе системно-структурного метода, сравнительно-правового анализа и виктимологического подхода исследуется многоуровневая система детерминации бытовой насильственной преступности. Автор раскрывает социально-экономические, психологические, правовые и культурно-традиционные причины насилия в семье, опираясь на теорию аномии Э. Дюркгейма и Р. Мертон, теорию социального контроля Т. Хирши и концепцию цикла насилия Л. Уокер. Проведён критический анализ действующего законодательства Республики Узбекистан, включая Закон «О защите женщин от притеснения и насилия» (2019), статью 126¹ Уголовного кодекса РУз (2023) и Закон о защите детей от насилия (2024). По итогам исследования формулируются конкретные предложения по совершенствованию профилактической деятельности.*

***Ключевые слова:** домашнее насилие, бытовые преступления, криминологические причины, детерминация преступности, теория аномии, теория социального контроля, виктимология, законодательство Узбекистана, охранный ордер, латентность преступности.*

Домашнее (бытовое) насилие относится к числу наиболее распространённых и общественно опасных видов криминального поведения в современном мире. Согласно данным ООН, каждые десять минут в мире от рук партнёра или члена семьи гибнет одна женщина¹. Вместе с тем именно в сфере внутрисемейных отношений уровень латентности преступлений остаётся максимально высоким: общественные стереотипы, экономическая зависимость жертв и инерционность правоохранительных практик совокупно препятствуют раскрытию реальных масштабов явления.

Для Республики Узбекистан данная проблематика приобрела особую актуальность в контексте масштабных реформ 2019–2026 годов. Принятие Закона «О защите женщин от притеснения и насилия»² впервые сформировало законодательный каркас противодействия семейному насилию, а криминализация домашнего насилия законом № ЗРУ-829 от 11 апреля 2023 года³ ознаменовала системный сдвиг государственной политики. Тем не менее официальная статистика свидетельствует о том, что лишь 22% жертв обращаются в правоохранительные органы⁴, а более 56% уголовных дел прекращаются через примирение сторон⁵. Это указывает на то, что правовые меры не устраняют глубинных причин насилия.

¹United Nations. Sustainable Development Goals Report. — New York: UN, 2023. — URL: <https://www.un.org>.

²Закон Республики Узбекистан «О защите женщин от притеснения и насилия» от 02.09.2019 № ЗРУ-561 // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/4483624>.

³Закон Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты в связи с дальнейшим совершенствованием системы защиты прав женщин и детей» от 11.04.2023 № ЗРУ-829 // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/6425174>.

⁴Собиров Ш. Домашнее насилие в Узбекистане: масштаб проблемы и пути решения // Общество и инновации. — 2025. — Т. 6. — № 2/S. — С. 385–401.

⁵IPHR (International Partnership for Human Rights). Reform and Reality: Measuring Uzbekistan's Progress in the Fight Against Domestic Violence. — Brussels, December 2025. — URL: <https://iphronline.org>.

Степень научной разработанности темы. В отечественной (русской и узбекской) криминологии проблема бытовых преступлений рассматривалась в трудах Ю.М. Антоняна⁶, Д.А. Шестакова⁷, Н.Ф. Кузнецовой⁸, А.И. Долговой⁹, Э.Ф. Побегайло¹⁰. В Узбекистане данная тематика активно исследуется начиная с 2019 года: среди ключевых работ следует выделить исследования У. Холмирзаева и З. Шамсидинова¹¹, а также публикации ПРООН по анализу судебной практики¹².

Цель настоящей статьи — выявить и систематизировать криминогенные детерминанты домашнего (бытового) насилия в Узбекистане на основе криминологических теорий и действующего законодательства. Для достижения указанной цели решаются следующие задачи: (1) сформулировать криминологическое определение домашнего насилия; (2) раскрыть причинный комплекс на четырёх уровнях детерминации; (3) проанализировать латентность и виктимологические аспекты; (4) оценить достаточность действующей правовой базы; (5) предложить меры по совершенствованию профилактики.

В действующем законодательстве Республики Узбекистан понятие «насилие» закреплено в статье 3 Закона № ЗРУ-561 как «противоправные

⁶ Антонян Ю.М., Горшков И.В., Зулкарнеев Р.М. Проблемы внутрисемейной агрессии. — М.: НИИ МВД России, 1999. — 155 с.

⁷ Шестаков Д.А. Семейная криминология: семья — конфликт — преступление. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. — 263 с.

⁸ Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — 204 с.

⁹ Долгова А.И. Криминология: учебник. — 4-е изд. — М.: Норма, 2010. — 1008 с.

¹⁰ Ревин В.П. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с бытовыми насильственными преступлениями. — Рязань, 1983. — 77 с.

¹¹ Холмирзаев У., Шамсидинов З. // *International Journal for the Semiotics of Law* в 2024 году (Vol. 37. P. 1829–1848).

¹² UNDP Uzbekistan. Analysis of Judicial Practice on Domestic Violence Cases (Criminal cases). — Tashkent, 2024. — URL: <https://www.undp.org/uzbekistan/publications/analysis-judicial-practice-domestic-violence-cases-criminal-cases>.

действия (бездействие), посягающие на жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, честь и достоинство [женщины] путём применения или угрозы мер физического, психологического, полового или экономического воздействия»¹³. Принципиально важно, что с 2023 года аналогичная, по существу, конструкция получила уголовно-правовое закрепление в статье 126¹ Уголовного кодекса РУз применительно к насилию в отношении любого члена семьи¹⁴.

С позиций криминологии домашнее (бытовое) насилие следует определять как системное или единичное умышленное деяние, совершаемое одним членом семьи или лицом, находящимся в близких личных отношениях с жертвой, с целью установления или сохранения контроля над ней посредством физического, психологического, сексуального или экономического принуждения. Ключевыми криминологически значимыми признаками являются: (1) наличие специфического субъектного состава — участников семейных или квазисемейных отношений; (2) использование особого доверия и интимности как орудий контроля; (3) высокая латентность вследствие приватности сферы; (4) циклический и прогрессирующий характер насилия; (5) виктимологическая уязвимость жертвы как следствие зависимости от агрессора.

Указанное определение шире буквального содержания действующих норм: оно охватывает не только побои и телесные повреждения (статьи 104–112 УК РУз), но и систематический психологический террор, экономическое

¹³ Закон Республики Узбекистан «О защите женщин от притеснения и насилия» от 02.09.2019 № ЗРУ-561 // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/4483624>.

¹⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII (с изм. и доп.) // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/111457>.

принуждение и сексуальное насилие, включая насилие в браке, — состав, отсутствующий в действующем УК.

Методологической основой анализа служит концепция криминологической детерминации, разработанная в трудах В.Н. Кудрявцева¹⁵ и Н.Ф. Кузнецовой. Применительно к домашнему насилию детерминанты следует рассматривать на четырёх уровнях: макросоциальном (социально-экономические условия общества в целом), мезосоциальном (функционирование семьи как института), микросоциальном (конкретная семейная ситуация) и индивидуально-психологическом (личность агрессора и жертвы). Причины и условия взаимодействуют по диалектической схеме «причина — следствие», где следствие становится новой причиной для следующего цикла насилия.

Теория аномии, разработанная Э. Дюркгеймом и операционализированная Р. Мертоном¹⁶ в классической статье 1938 года, предполагает, что рост преступности обусловлен разрывом между культурно одобренными целями общества и институционально доступными средствами их достижения. В условиях постсоветской трансформации Узбекистана этот разрыв принял специфическую форму: традиционные ожидания от мужчины как кормильца и главы семьи сохраняются, тогда как возможности для достижения соответствующего материального статуса существенно сужены.

Среди конкретных социально-экономических детерминантов следует выделить: безработицу и неполную занятость (особенно выраженные в трудоизбыточных регионах); бедность и жилищную перенаселённость — по

¹⁵ Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. — М.: Юрид. лит., 1968. — 175 с.

¹⁶ Merton R.K. Social Structure and Anomie // American Sociological Review. — 1938. — Vol. 3, No. 5. — P. 672–682.

данным ПРООН, расширенные семьи в Ферганской долине на 5–8 человек проживают в одном домостроении; трудовую миграцию, разрушающую семейные связи и создающую ситуации ролевой неопределённости; неравный доступ к образованию, особенно женского. Указанные факторы действуют не изолированно, а как системный стрессогенный фон, снижающий порог агрессивного реагирования на внутрисемейные конфликты.

Культурно-традиционные причины образуют наиболее устойчивый пласт детерминации, поскольку изменение ментальных установок требует значительно большего времени, чем принятие законодательных актов. В узбекском обществе патриархальные нормы закреплены через несколько механизмов: во-первых, через институт «хукуқи эркак» (права мужчины), легитимизирующий физическое «воспитание» жены; во-вторых, через статус «келин» (невестки), предполагающий безусловное подчинение не только мужу, но и его родственникам; в-третьих, через давление махалли (соседской общины) на сохранение брака как социальной ценности, безусловно превалирующей над безопасностью жертвы.

Социологические данные подтверждают высокий уровень толерантности к насилию. Опрос «Общественное мнение» (2024) показал, что 64,4% респондентов считают необходимым сохранить брак ради детей даже при наличии насилия¹⁷. Примечательно, что подобные установки нередко воспроизводятся самими женщинами, передавая межпоколенческую нормализацию насилия.

¹⁷ Собиров Ш. Домашнее насилие в Узбекистане: масштаб проблемы и пути решения // Общество и инновации. — 2025. — Т. 6. — № 2/S. — С. 385–401.

Психологические причины домашнего насилия раскрываются через несколько взаимосвязанных концепций. Первая — концепция межпоколенческой трансмиссии насилия: лица, выросшие в семьях с насилием, в 3–4 раза чаще воспроизводят агрессивные модели поведения в собственных семьях. Вторая — концепция низкого самоконтроля Готтфредсона и Хирши¹⁸, связывающая преступное поведение с импульсивностью, нечувствительностью к последствиям и риск-ориентированностью личности. Третья — психопатологические факторы: по данным Антоняна¹⁹, до 90% побоев совершаются в состоянии алкогольного опьянения, что указывает на алкоголизм как катализатор (но не причину) насильственного поведения.

Особое место занимает модель цикла насилия Ленор Уокер, впервые описанная в монографии «The Battered Woman» (1979)²⁰. Уокер выделила три фазы: нарастание напряжения, острый инцидент и фазу примирения («медового месяца»). Адаптируя теорию выученной беспомощности М. Селигмана, она объяснила, почему жертвы не покидают агрессора: систематическое подкрепление беспомощности разрушает убежденность жертвы в возможности изменить ситуацию. Данная модель критически важна для понимания поведения жертв в Узбекистане: именно выученная беспомощность объясняет, почему 56% дел прекращаются по примирению —

¹⁸ Gottfredson M., Hirschi T. A General Theory of Crime. — Stanford: Stanford University Press, 1990. — 297 p.

¹⁹ Антонян Ю.М., Горшков И.В., Зулкарнеев Р.М. Проблемы внутрисемейной агрессии. — М.: НИИ МВД России, 1999. — 155 с.

²⁰ Walker L. The Battered Woman. — New York: Harper & Row, 1979. — 270 p.

это не «свободный выбор», а вынужденный ответ в ситуации хронической зависимости²¹.

До 2019 года в Узбекистане полностью отсутствовала специальная правовая база противодействия домашнему насилию, а бытовые конфликты рассматривались как сугубо частное дело. Это порождало классический правовой детерминант насилия — безнаказанность. Теория социального контроля Хирши применима и к нормативной среде: государство, не формулирующее чётких запретов²², транслирует обществу сигнал о допустимости насилия в семье.

С позиций критического анализа действующего законодательства необходимо выделить три системных дефекта. Во-первых, сохраняется чрезмерно широкий институт примирения: несмотря на ограничения 2024 года, большинство дел по-прежнему может быть прекращено на стадии предварительного расследования. Во-вторых, отсутствует уголовная ответственность за изнасилование в браке — ст. 118 УК РУз не выделяет данный состав. В-третьих, недостаточна инфраструктура исполнения охранных ордеров: технологии мониторинга соблюдения дистанции (GPS-браслеты, электронные средства контроля) фактически не применяются²³.

Латентность бытовых преступлений является их имманентной характеристикой. Согласно данным исследования 2022 года (НИИ при Комитете по делам семьи и женщин РУз, выборка n = 420), только 22,4% жертв обращались в правоохранительные органы; 38,8% сообщали о насилии

²¹ IPHR (International Partnership for Human Rights). Reform and Reality: Measuring Uzbekistan's Progress in the Fight Against Domestic Violence. — Brussels, December 2025. — URL: <https://iphronline.org>.

²² Hirschi T. Causes of Delinquency. — Berkeley: University of California Press, 1969. — 309 p.

²³ Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), принята Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1979 г. Резолюция 34/180; Общая рекомендация № 35 (2017).

представителям махалли; 5,5% — на горячую линию; 4,6% — в медицинские учреждения²⁴. Фактически три четверти случаев остаются вне официальной статистики. Международные доклады подчёркивают: Узбекистан до сих пор не провёл национального обследования распространённости насилия по методологии ВОЗ, что делает оценку реального масштаба проблемы крайне затруднённой²⁵.

Совокупность факторов, обуславливающих высокую латентность, включает: (1) социальную стигматизацию жертвы («сама виновата»); (2) патриархальную норму «не выносить сор из избы»; (3) экономическую зависимость от агрессора; (4) страх перед повторным насилием в случае огласки; (5) недоверие к правоохранительным органам; (6) давление расширенной семьи и махалли на примирение. Особую роль играет специфика судебной практики: ПРООН фиксирует, что из 347 судей, рассматривавших дела по ст. 126¹ УК, лишь 14 (4%) составляли женщины²⁶, что влияет на качество учёта гендерного измерения в принимаемых решениях.

Виктимология — наука о закономерностях жертвенности и виктимизации — берёт начало в работах Б. Менделсона (1947) и М. Вольфганга (1958). В современной научной дискуссии концепция «вины жертвы» (*victim precipitation*) обоснованно отвергается применительно к домашнему насилию: в отличие от уличной преступности, жертва здесь, как

²⁴ Собиров Ш. Домашнее насилие в Узбекистане: масштаб проблемы и пути решения // Общество и инновации. — 2025. — Т. 6. — № 2/S. — С. 385–401.

²⁵ CEDAW Committee. Concluding Observations on the 6th Periodic Report of Uzbekistan. — CEDAW/C/UZB/CO/6. — February 2022. — URL: <https://digitallibrary.un.org>.

²⁶ UNDP Uzbekistan. Analysis of Judicial Practice on Domestic Violence Cases (Criminal cases). — Tashkent, 2024. — URL: <https://www.undp.org/uzbekistan/publications/analysis-judicial-practice-domestic-violence-cases-criminal-cases>.

правило, не может «избежать» агрессора, не разрушив всю систему жизнеобеспечения. Современная виктимология смещает акцент на изучение факторов виктимной уязвимости: финансовой зависимости, социальной изоляции, опыта детской травматизации, психологических последствий выученной беспомощности.

В узбекском контексте ключевыми факторами виктимной уязвимости являются: (1) финансовая зависимость — до 95% женщин-жертв не имеют самостоятельного дохода; (2) институт патриархального брака, лишаящий жену самостоятельного жилья; (3) отсутствие альтернативного жилья — 29 центров реабилитации при 36 млн населения катастрофически недостаточно; (4) угроза утраты опеки над детьми как инструмент удержания жертвы. В соответствии с виктимологическим подходом профилактика должна быть направлена прежде всего на устранение этих структурных факторов, а не только на наказание агрессора.

Теория социального контроля Хирши²⁷ постулирует, что преступление совершается при ослаблении социальных связей индивида. Применительно к семейному насилию эта теория указывает на несколько институциональных уязвимостей. Семья как первичный институт социализации сама становится очагом воспроизводства насилия через межпоколенческую трансмиссию. Институт махалли формально призван осуществлять посреднические и профилактические функции, однако на практике нередко ориентирован на примирение сторон и сохранение семьи любой ценой, что объективно является условием безнаказанности агрессора.

²⁷ Hirschi T. Causes of Delinquency. — Berkeley: University of California Press, 1969. — 309 p. SJIF: 5.051

Органы внутренних дел имеют специализированных инспекторов по профилактике семейно-бытового насилия: к 2021 году обучено 360 таких инспекторов. Вместе с тем HRW фиксирует случаи, когда полицейские уговаривали жертв не подавать жалобы и рекомендовали им вернуться домой²⁸. Прокуратура вправе возбуждать дела по ст. 126¹ УК без заявления потерпевшей (публичное обвинение), однако практика применения данного полномочия формируется медленно. Суды в 56% дел принимают примирение, что Комитет CEDAW квалифицировал как нарушение обязательств Узбекистана по международному праву²⁹.

Нормативная база противодействия домашнему насилию в Узбекистане сформировалась в период 2019–2026 годов и является наиболее развитой среди стран Центральной Азии. Системообразующим актом стал Закон РУз № ЗРУ-561 от 02.09.2019 «О защите женщин от притеснения и насилия»³⁰, введший четырёхвидовую классификацию насилия (физическое, психологическое, половое, экономическое), механизм охранного ордера на срок до 30 суток с возможностью судебного продления до одного года, горячую линию 1146 и систему центров реабилитации (29 центров к 2024 году).

Законом № ЗРУ-829 от 11.04.2023 в УК РУз введена статья 126¹ «Семейное (бытовое) насилие»³¹. Данная статья конструирует

²⁸ Human Rights Watch. Uzbekistan's Domestic Violence Reforms Fall Short. — March 4, 2026. — URL: <https://www.hrw.org/news/2026/03/04/uzbekistans-domestic-violence-reforms-fall-short>.

²⁹ CEDAW Committee. Concluding Observations on the 6th Periodic Report of Uzbekistan. — CEDAW/C/UZB/CO/6. — February 2022. — URL: <https://digitallibrary.un.org>.

³⁰ Закон Республики Узбекистан «О защите женщин от притеснения и насилия» от 02.09.2019 № ЗРУ-561 // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/4483624>.

³¹ Закон Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты в связи с дальнейшим совершенствованием системы защиты прав женщин и детей» от 11.04.2023 № ЗРУ-829 // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/6425174>.

двухуровневую систему ответственности: первичное совершение влечёт административную ответственность по ст. 59² КоАО (штраф 10–20 БРВ или арест до 15 суток), повторное в течение года или при квалифицирующих обстоятельствах — уголовную ответственность до 12 лет лишения свободы. В октябре 2024 года Законом № ЗРУ-978 действие статьи расширено на насилие в отношении детей, а институт примирения ограничен стадией судебного разбирательства³².

Критический анализ позволяет выделить следующие пробелы. Первое: Семейный кодекс РУз и УК РУз не содержат специального состава изнасилования в браке, хотя Общая рекомендация CEDAW № 35 (2017)³³ относит его к наиболее тяжким формам гендерного насилия. Второе: несмотря на ограничение 2024 года, уголовные дела всё ещё могут прекращаться по примирению на досудебной стадии. Третье: Закон № ЗРУ-561 не распространяется на мужчин-жертв домашнего насилия; инфраструктура поддержки создана исключительно для женщин.

Сравнение законодательства Узбекистана с подходами других стран СНГ позволяет оценить достигнутый прогресс и выявить точки совершенствования. Узбекистан занимает лидирующие позиции в Центральной Азии как единственная страна региона с самостоятельным уголовным составом домашнего насилия и максимальной санкцией. Вместе с тем по уровню правоприменения и обеспеченности инфраструктурой

³²Закон Республики Узбекистан «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в связи с усилением мер защиты от семейного (бытового) насилия» от 21.10.2024 № ЗРУ-978 // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/7165430>.

³³Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), принята резолюцией ГА ООН 34/180 от 18 декабря 1979 г.; Общая рекомендация № 35 (2017).

поддержки жертв страна значительно уступает государствам, ратифицировавшим Стамбульскую конвенцию³⁴.

Параметр	Узбекистан	Казахстан	Кыргызстан	Россия	Таджикистан
Специальный закон	Да (2019)	Да (2009)	Да (2017)	Нет	Да (2013)
Отдельный уголовный состав	Да, ст. 126 ¹ УК (2023)	Нет	Частично	Нет	Нет
Охранные ордера	До 1 года	Да	До 30 дней	Нет	Да
4 формы насилия	Да	Да	Да	Нет	Да
Примирение ограничено	Частично (2024)	Для детей	Проблемное	Возможно	Возможно
Макс. наказание	12 лет л/с	Пожизненное	Варьирует	3 мес. ареста	2 нед. ареста

Российский опыт декриминализации побоев (2017) служит наглядным отрицательным примером: в 2024 году 47% всех убитых женщин в России стали жертвами домашнего насилия. Казахстанская траектория

³⁴Council of Europe. Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence (Istanbul Convention). — CETS No. 210. — 2011. — URL: <https://coe.int>. SJIF: 5.051

«декриминализация — рекриминализация» подтвердила контрпродуктивность смягчения ответственности без параллельного усиления профилактики. Эффективность законодательства Узбекистана оценивается рядом международных организаций как значительный шаг вперёд, хотя разрыв с практикой по-прежнему критичен³⁵.

Предложения. На основе проведённого анализа автор формулирует следующие предложения, направленные на устранение выявленных причин домашнего насилия.

1. Устранить правовые детерминанты безнаказанности: криминализировать изнасилование в браке в отдельной части ст. 118 УК; полностью исключить примирение на досудебной стадии по всем составам ст. 126¹ УК; ввести обязательное уведомление прокурора при каждом прекращении дела о домашнем насилии.

2. Устранить латентность через системный мониторинг: провести первое национальное обследование распространённости насилия в отношении женщин по методологии ВОЗ/ОБСЕ (VAW prevalence survey) с выборкой не менее 10 000 человек; ввести единый реестр охранных ордеров, доступный всем правоохранительным органам в режиме реального времени.

3. Ликвидировать инфраструктурный дефицит: довести число кризисных центров до нормы ООН (1 место на 10 000 жителей); обеспечить создание специализированных центров в каждом районном центре; ввести государственное финансирование НКО, оказывающих правовую помощь жертвам.

³⁵Equality Now. Uzbekistan's Strides Against Gender-Based Violence. — 2024. — URL: <https://equalitynow.org>.
SJIF: 5.051

4. Воздействовать на культурные детерминанты: интегрировать учебные модули о недопустимости домашнего насилия в школьные программы (с 7-го класса); включить тематику домашнего насилия в образовательную программу имамов и религиозных деятелей с целью преодоления религиозной легитимизации насилия.

5. Преобразовать роль махалли: трансформировать её функцию от «примирительной» к «защитной»; ввести обязательную аттестацию инспекторов по профилактике домашнего насилия (не менее 120 учебных часов по гендерно-чувствительным практикам); установить персональную ответственность инспекторов за необоснованное примирение, повлёкшее повторное насилие.

6. Обеспечить экономическую независимость жертв: расширить программы микрокредитования для женщин, покидающих насильственные браки; предусмотреть временное государственное пособие для жертв домашнего насилия на период реабилитации (не менее 3 месяцев); запретить при рассмотрении дел о разводе принуждение сторон к обязательному примирительному периоду при наличии охрannого ордера.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, домашнее насилие является многодетерминированным явлением, в генезисе которого взаимодействуют социально-экономические стрессоры, устойчивые патриархальные культурные нормы, психологические механизмы межпоколенческой трансмиссии насилия и дефекты правовой среды. Ни один из этих факторов сам по себе не является достаточной причиной: насилие возникает как результирующая их совокупного действия.

Во-вторых, Республика Узбекистан за 2019–2026 годы сформировала нормативную базу, опережающую большинство стран Центральной Азии и Россию. Принятие ст. 126¹ УК РУз и закона ЗРУ-978 свидетельствует о последовательной воле государства к ужесточению правовой защиты жертв. Вместе с тем разрыв между нормой и правоприменительной практикой остаётся критическим: высокая латентность, доминирование примирения и недостаточность инфраструктуры поддержки ограничивают реальную защитную функцию закона.

В-третьих, эффективная профилактика домашнего насилия требует интегрированного подхода, воздействующего одновременно на все уровни детерминации: правовой (устранение безнаказанности), социальный (трансформация культурных норм), психологический (работа с агрессорами и жертвами) и экономический (обеспечение финансовой независимости жертв). Достижение этих целей невозможно без систематического мониторинга, независимых исследований и диалога государства с гражданским обществом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативно-правовые акты

1. United Nations, Sustainable Development Goals Report, 2023; ООН: каждые 10 мин. гибнет одна женщина от рук партнёра. — URL: <https://www.un.org>.

2. Закон Республики Узбекистан «О защите женщин от притеснения и насилия» от 02.09.2019 № ЗРУ-561 // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/4483624>.

3. Закон Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты в связи с дальнейшим совершенствованием системы защиты прав женщин и детей» от 11.04.2023 № ЗРУ-829 // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/>.

4. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII (с изм. и доп.) // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/111457>.

5. Семейный кодекс Республики Узбекистан от 30.04.1998 (с изм. 2025 г.) // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/111428>.

6. Закон Республики Узбекистан «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в связи с усилением мер защиты от семейного (бытового) насилия» от 21.10.2024 № ЗРУ-978 // Lex.uz. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/7165430>.

7. Закон Республики Узбекистан «О защите детей от всех форм насилия» от 14.11.2024 № ЗРУ-996 // Nuz.uz. — URL: <https://nuz.uz/2024/11/15/novyj-zakon-zashhitit-detej-ot-vseh-form-nasiliya/>.

8. Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW), принята Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1979 г. Резолюция 34/180; Общая рекомендация № 35 (2017).

II. Научная литература и монографии

1. Собиров Ш. Домашнее насилие в Узбекистане: масштаб проблемы и пути решения // Общество и инновации. — 2025. — Т. 6. — № 2/S. — С. 385–401.

2. IPHR (International Partnership for Human Rights). Reform and Reality: Measuring Uzbekistan's Progress in the Fight Against Domestic Violence. — Brussels, December 2025. — URL: <https://iphronline.org>.

3. Антонян Ю.М., Горшков И.В., Зулкарнеев Р.М. Проблемы внутрисемейной агрессии. — М.: НИИ МВД России, 1999. — 155 с.
4. Шестаков Д.А. Семейная криминология: семья — конфликт — преступление. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. — 263 с.
5. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — 204 с.
6. Долгова А.И. Криминология: учебник. — 4-е изд. — М.: Норма, 2010. — 1008 с.
7. Ревин В.П. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с бытовыми насильственными преступлениями. — Рязань, 1983. — 77 с.
8. Холмирзаев У., Шамсидинов З.// International Journal for the Semiotics of Law в 2024 году (Vol. 37. P. 1829–1848).
9. UNDP Uzbekistan. Analysis of Judicial Practice on Domestic Violence Cases (Criminal cases). — Tashkent, 2024. — URL: <https://www.undp.org/uzbekistan/publications/analysis-judicial-practice-domestic-violence-cases-criminal-cases>.
10. Merton R.K. Social Structure and Anomie // American Sociological Review. — 1938. — Vol. 3, No. 5. — P. 672–682.
11. Gottfredson M., Hirschi T. A General Theory of Crime. — Stanford: Stanford University Press, 1990. — 297 p.
12. Walker L. The Battered Woman. — New York: Harper & Row, 1979. — 270 p.
13. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. — М.: Юрид. лит., 1968. — 175 с.

14. Hirschi T. Causes of Delinquency. — Berkeley: University of California Press, 1969. — 309 p.

III. Международные доклады и аналитические материалы

1. CEDAW Committee. Concluding Observations on the 6th Periodic Report of Uzbekistan. — CEDAW/C/UZB/CO/6. — February 2022. — URL: <https://digitallibrary.un.org>.

2. Human Rights Watch. Uzbekistan's Domestic Violence Reforms Fall Short. — March 4, 2026. — URL: <https://www.hrw.org/news/2026/03/04/uzbekistans-domestic-violence-reforms-fall-short>.

3. Human Rights Watch. Sacrificing Women to Save the Family? Domestic Violence in Uzbekistan. — July 2001. — URL: <https://www.hrw.org/report/2001/07/05>.

4. US Department of State. 2023 Country Reports on Human Rights Practices: Uzbekistan. — Washington, 2024. — URL: <https://state.gov>.

5. Equality Now. Uzbekistan's Strides Against Gender-Based Violence: Strengthened Protections and the Path to Further Reforms. — 2024. — URL: <https://equalitynow.org>.

6. The Diplomat. Women as Wives: How Uzbekistan's Justice System Fails to Serve Women. — May 2024. — URL: <https://thediplomat.com/2024/05>.

7. Council of Europe. Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence (Istanbul Convention). — CETS No. 210. — 2011. — URL: <https://coe.int>.